

Николаева Наталья Никитична, Энхбадрах Санждорж

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС БАРГУТОВ

Статья посвящена рассмотрению героического эпоса баргутов - одного из монголоязычных этносов Китая. Исследуется сюжетный состав, особенности композиции, системы персонажей и поэтики. Определено, что баргутский эпос относится к ранним, дофеодальным эпосам и во многом сохраняет воззрения древних монголов. Сюжеты и мотивы принадлежат общемонгольскому фонду, отличаясь локальной спецификой, среди которых можно отметить архаичный образ главного героя и в целом мифологическую тональность эпических действий.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/43.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. IV. С. 157-160. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 82-131

Филологические науки

Статья посвящена рассмотрению героического эпоса баргутов – одного из монголоязычных этносов Китая. Исследуется сюжетный состав, особенности композиции, системы персонажей и поэтики. Определено, что баргутский эпос относится к ранним, дофеодальным эпосам и во многом сохраняет воззрения древних монголов. Сюжеты и мотивы принадлежат общемонгольскому фонду, отличаясь локальной спецификой, среди которых можно отметить архаичный образ главного героя и в целом мифологическую тождественность этических действий.

Ключевые слова и фразы: героический эпос; мифология; монголоязычные народы; сюжет; мотив; персонаж.

Николаева Наталья Никитична, к. филол. н.

*Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук
natanika80@mail.ru*

Энхбадрах Санждорж

*Институт языка и литературы Монгольской академии наук
enkhbadrakh@yahoo.com*

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС БАРГУТОВ[©]

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научного проекта № 15-21-03004 а(м).

Баргуты (*барга*) – один из монголоязычных этносов Китая. Относительно большие баргутские этнические группы сейчас проживают в Хулун-Буирском аймаке Автономного района Внутренняя Монголия КНР и нескольких аймаках Монголии. Современные баргуты имеют два подразделения – старые (*хуушан барга*) и новые (*шэнэ барга*). Этногенез и ранняя история баргутских родов, по мнению большинства исследователей, связаны с территорией Прибайкалья, а конкретнее – с долиной реки Баргузин. Сами баргуты называют свою прародину *Баргужин-Төхөм* (Баргуджин-Токум) и локализируют ее на восточном побережье Байкала. Топоним «Баргуджин-Токум» известен как по монгольским историческим летописям, так и по устным источникам (легенды и предания генеалогического и топонимического характера), обозначая местность, связанную с Циркумбайкальским регионом и входившую в сферу монгольского влияния.

Лингвистические данные, летописные и этнографические сведения позволяют предположить, что происхождение баргутов и причины их современного расселения на территории двух государств далеко не так однозначны, как может показаться.

Еще до прихода русских баргуты ушли с территории Баргуджин-Токума и, двинувшись на юго-восток, добрались до верховий реки Амур (Хара Мурэн). После крупного столкновения между русскими и маньчжурами (80-е гг. XVII в.) баргуты, следуя приказу цинских властей, вынуждены были переселиться на юг, в окрестности современного г. Цицикара. После проведения китайско-русской границы (1727 г.) баргуты были мобилизованы и переселены в Хулун-Буир, оказавшись включенными в знаменную военно-административную организацию маньчжуров. Несколькими годами позднее в Хулун-Буир из Халхи прибыла большая группа племени хори, пытавшаяся вернуться назад, в родные кочевья Забайкалья, и задержанная маньчжурами. Б. Р. Зориктуев пишет: «Маньчжурская администрация, с целью различать обе группы, старым баргутам дала имя *хуушан барга*, а прибывшим двумя годами позже хоринцам – *шэнэ барга*. Если по отношению к старым баргутам в качестве официального имени было закреплено их исконное самоназвание, то хоринцы взамен настоящего имени получили новое – по названию местности, где они раньше жили (Баргуджин-Токум)» [1].

По мнению Д. Д. Нимаева, анализ языка новых баргутов и их родоплеменного состава не оставляет сомнений в том, что они единого происхождения с бурятами-хоринцами и отделились от последних относительно недавно. Что касается старых баргутов, то, несомненно, они являются выходцами из Баргузинской долины, после прихода русских оказавшимися на пути вероятного движения вынужденной миграции на юг, в сторону Монголии. В Хулун-Буире старые баргуты появились примерно в середине XVII в., причем непосредственно из пределов Халхи, где к тому времени также складывалась сложная политическая обстановка. К 1700 г. часть баргутов, перевалив через Хинган, приняла подданство Цинской империи. В начале 30-х гг. XVIII в. в целях закрепления территорий Внутренней Монголии за Маньчжурией баргуты были переведены обратно вместе с группой дагуров, солонов, ороочонов [6, с. 124-126].

По другому предположению, и старые, и новые баргуты являются выходцами из Баргузинской долины, уходившими в разное время. Первая волна мигрантов ушла к верховьям Амура и, перейдя Аргунь, попала под власть маньчжурской Цинской династии. Позднее вторая волна двинулась в Халху, но из-за постоянных ойратско-халхаских войн ушла дальше на восток и оказалась в итоге там же, где были поселены цинским правительством их ушедшие ранее сородичи. Последние стали называться там старыми баргутами, а новые пришельцы получили наименование «новые баргуты» [2, с. 180-181; 4, с. 215-216].

Таким образом, признавая происхождение баргутов связанным с Прибайкальем, ученые-исследователи расходятся во мнениях относительно времени и маршрутов их миграции и в целом родства старых и новых баргутов. Возможно, исследование фольклорных источников позволит в какой-то мере пополнить данные по этнокультурным особенностям этой этнической общности.

Фольклорная традиция баргутов ранее не являлась предметом специальных исследований в российской фольклористике. Некоторые вопросы сравнительно-типологического порядка затронуты в работах по фольклору и мифологии монголоязычных народов Сибири и Центральной Азии [3; 5] и в основном касаются героического эпоса, вероятно, в силу того, что он представляет собой наиболее крупный фольклорный жанр, отличающийся устойчивостью сюжетных форм, достаточно жесткой композиционной структурой и константностью поэтических формул. Но при этом не проводилось отдельного рассмотрения состава баргутских героико-эпических произведений, их композиции, системы персонажей, поэтики, бытования, репертуара, исполнительской манеры и т.д., сравнительно-сопоставительного исследования с эпосами других монголоязычных народов. В данной статье предпринимается попытка анализа баргутского эпоса с целью дать его первичную характеристику, выявить в общих чертах параллели общемонгольского характера и локальные особенности.

Экспедиционные исследования, предпринятые в рамках проекта РГНФ № № 15-21-03004 а(м) «Монголоязычные этносы северо-востока Китая: история, культура, язык», показали, что среди баргутов героический эпос (*туль*) исполнялся еще в 1950-60-е гг. XX в. По сведениям информантов, даже в конце 1980-х гг. оставались знатоки традиции, от которых были записаны полноценные тексты произведений. Нам не удалось зафиксировать живое бытование эпоса, выявить сказителей, владеющих традиционной манерой исполнения, от информантов были записаны лишь сведения о бытовании эпоса и его исполнителях, примерном репертуаре и сюжетном составе. Однако это не значит, что традиция окончательно угасла. Возможно, в отдаленных селениях-сомонах пока еще есть отдельные исполнители, способные воспроизвести эпический текст в более или менее полном виде. Кроме того, исполнение эпоса сохраняется в сценической области, переходя в область профессионального искусства. В этом отношении ситуация с баргутским эпосом в Китае представляется более тяжелой, чем, к примеру, с халхаским. Так, в Монголии, пусть и в слегка «модернизированном» виде, сохраняются сказительские школы, существует феномен устной передачи традиции от старшего поколения младшему. Схожа с баргутской ситуация с бурятским эпосом, народное исполнение которого, следует признать, фактически полностью угасло, передача традиции прервана, а существующие конкурсы сказителей-улигершинов проходят на уровне простой демонстрации исполнения и воспроизведения заученного текста (зачастую книжного).

На современном этапе идет достаточно интенсивная работа по изданию и исследованию баргутского эпоса китайскими учеными, зафиксировано около 30 героико-эпических произведений, записанных во второй половине XX в. от исполнителей разного возраста на территории баргутских хошунов (районов) [7; 8], что позволяет говорить о богатстве эпической традиции, ее распространении и довольно обширном репертуаре. Среди названий можно упомянуть «Гурван настай Гунаан Улаан баатар» («Трехлетний богатырь Гунан Улан»), «Арван таван настай Авралт Богдо хаан» («Пятнадцатилетний Авралт Богдо хан»), «Харз хар морьтой Харалтай Мэргэн хөвүүн» («Парень Харалтай Мэргэн с черным конем»), «Буралтай Мэргэн хүү» («Парень Буралтай Мэргэн»), «Алтан Галуу» («Золотой Гусь») и др. В целом можно отметить некоторые совпадающие названия баргутских и бурятских, баргутских и халхаских произведений, но сходство имен не означает сходство сюжетов, и, к примеру, баргутский эпос «Алтан Галуу» нельзя назвать всего лишь вариантом халхаского «Алтай ноен Галуу хүү» (букв. «Алтай князь Гусь парень») [10, с. 30-37]. Это два совершенно разных произведения с оригинальными сюжетами и набором персонажей. Здесь, на наш взгляд, можно говорить о единстве фонда, своего рода общемонгольском «котле», в котором формировались ранние сюжеты, мотивы и образы.

В силу своей архаики баргутский героический эпос близок героическому эпосу бурят. В нем также отражается эпоха доминирования отцовского рода, при этом сохраняются остатки представлений о еще более раннем обществе; прослеживается достаточно сильное влияние шаманизма, но заметны и слабые буддийские напластования (сейчас старые баргуты остаются шаманистами, а новые баргуты исповедуют буддизм).

Основное содержание баргутских героико-эпических произведений составляют походы героя-богатыря в далекие земли и борьба с многоголовыми чудовищами-*мангáсами*, победа в брачных состязаниях (трех состязаниях мужей), женитьба. Произведения невелики по объему – от 200 до 1200-1300 стихов. В композиционном плане их сюжеты чаще всего имеют «одноходовую» структуру, т.е. выезд героя – совершение подвига – гибель/воскрешение – брачные испытания и женитьба – возвращение в родные земли. В некоторых случаях выпадает мотив женитьбы, т.к. герой оказывается уже женатым. В других, напротив, именно женитьба выступает сюжетобразующим мотивом, который разворачивает повествование. Присоединение новых частей-«ходов», описывающих последующие выезды героя, встречается реже. Кроме того, разворачивается эпическая биография героя одного поколения, а не нескольких, как это, например, встречается в бурятских *улигэрах* (отец – сын; дед – отец – внук; отец – сыновья).

Стиль повествований в силу их небольших размеров динамичен, если не сказать лаконичен, хотя это зачастую зависит от мастерства сказителя и его знания фольклорной традиции. Устойчивые формулы или этнопоэтические константы, выступающие организаторами художественной структуры текста и выполняющие тем самым соединяющую, моделирующую, структурообразующую функции [9, с. 105], в баргутских эпических сказаниях не так развернуты и многокомпонентны, как, например, в бурятском. Но опорные слова константных формул принадлежат общемонгольскому фонду, указывая на единое ядро их формирования. В целом тематика макроконстант в эпосе баргутов схожа с эпосами бурят, халха-монголов, калмыков и других монголоязычных народов, а микроконстанты отличаются определенным разнообразием, маркирующим локальные этнокультурные особенности.

В поэтическом плане произведения имеют полностью стихотворный характер, организованный методом аллитерации, что также сближает их с бурятскими *улигэрами* унгинской и эхирит-булагатской стадияльно-типологическими группами.

Главными действующими персонажами выступают богатырь, его конь, его суженая (земная или небесная дева), его враг (*мангáсэ*). Эпический богатырь описывается в духе архаичной героики. Примечательным является имплицитно выраженный мотив одиночества, восходящий к образу мифологического героя-первопредка. Так, например, в эпосе «Парень Сахилджи Мэргэн» («Сахилджи Мэргэн хүү») герой назван одиноким, хотя у него есть родители [7, с. 310]. Герой может определяться через эпитет «одинокий», даже несмотря на то, что у него есть жена, родители, подданные.

Мотив одиночества тесно связан с мотивом действия в эпоху начала времен, сотворения мира. Например: «*Эрт узуур үед / Сансар тэнгрийн анх тогтоход / Сав ертөнцийн сая бүтэхэд / Огторгойн нар одны төдий байхад / Орчлонгийн амьтны нэг хоер байхад / Сумбэр уулын добуу төдий байхад / Сун далайн шалбаг төдий байхад*» [Там же, с. 231] / 'В древнее раннее время / Когда небеса сансары только устанавливались / Когда мир только создавался / Когда звезд на небе было совсем немного / Когда живых существ во Вселенной было по одному или двое / Когда гора Сумбэр была всего лишь холмиком / Когда Молочное море было только лужицей' (*перевод с монг. наиш. – Н. Н.*).

Хотя в образе баргутского эпического героя не прослеживаются черты героя шаманского мифа, обладающего магическими способностями, или культурного героя, несущего людям упорядоченность, развитие, нормы и правила поведения и т.д., но указание на время его действия маркирует мифологическую архаику образа первопредка, первочеловека.

На ранний характер баргутского эпоса указывает и мотив женитьбы, который зачастую является ведущим. Эпический богатырь выезжает в далекий путь за девой-суженой, побеждает в брачных состязаниях, которые устраивает ее отец, и затем с женой возвращается домой [7, с. 310-322; 8, с. 27-43]. Брачные состязания обычно представлены в виде «игр трех мужей» (борьба, скачки, стрельба из лука), которые выигрывает герой. Женитьба героя представляется своего рода неперемным и обязательным действием, определяющим становление его как полноценного, включенного в социум человека.

Если герой-богатырь уже женат и имеет богатые владения и подданных (скорее эфемерных и в развитии сюжета фактически не участвующих), в сюжете реализуется эпический конфликт, связанный с нападением или возможностью нападения врагов, которые представлены чудовищами-*мангáсами*. Антропоморфность или зооморфность противника не определяется четко, поскольку нет описаний внешности. Указанием на более древний зооморфный образ могут служить эпитеты *арван хоер толгойтой* / 'двенадцатиголовый' [7, с. 242], *хорин таван толгойтой* / 'двадцатипятиголовой' [8, с. 85] и т.д.

Встреча героя с противником происходит на территории противника: богатырь либо выезжает заранее, предупрежденный о возможности нападения, либо едет возвращать свою жену, родителей, подданных, угнанных в плен чудовищем. Борьба с противником-чудовищем описывается как единоборство, и в развертывании эпизода непосредственно сражения используются мифологические мотивы – предварительное уничтожение внешних душ чудовища, без которых оно становится уязвимым, заговаривание стрелы, уничтожение тела врага после победы [7, с. 231-282].

Нередко в роли младшего богатыря, помогающего одолеть врага, выступает сын героя, рожденный в его отсутствие и спасенный матерью от плена *мангáса*. Подобный мотив также встречается в бурятском эпосе, в котором сюжеты о дальнейших подвигах сына или сыновей контаминируются с основным сюжетным блоком о подвигах отца. Но в баргутском эпосе подобное продолжение сюжета не получает дальнейшего развития.

Большую роль в баргутском эпосе, как, впрочем, в эпосах всех тюрко-монгольских народов, играет конь, который может выступать в роли чудесного помощника, воспитателя, советника героя. Описанию коня, его бега уделяется иногда даже больше стихотворных строк, чем описанию самого героя.

Таким образом, можно сказать, что героический эпос баргутов относится к архаичным эпосам, сохраняя мифологические воззрения древних монголов. Сюжеты и мотивы принадлежат общемонгольскому фонду, отличаясь локальной спецификой, о которой можно сказать следующее: одночастная композиционная структура, лаконичность поэтических средств; выраженный архаичный характер героя и связанные с ним мотивы одиночества, первоначала и перводействия; образ мифологического чудовища-врага и эпический конфликт, развитие которого разработано также в мифологическом ключе.

Список литературы

1. Зориктуев Б. Р. Загадки истории старых баргутов Китая [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы: электронный журнал. 2013. № 3. URL: http://www.tuva.asia/journal/issue_19/6482-zorikuev.html (дата обращения: 28.09.2015.).
2. Коновалов П. Б., Миягашева С. Б. К проблеме этногенеза баргутов // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 174-182.
3. Мелетинский Е. М. Происхождение героического эпоса: Ранние формы и архаические памятники. 2-е изд., испр. М.: Вост. лит., 2004. 462 с.
4. Миягашева С. Б. Баргуты Хулун-Буира: путь из Баргуджин-Токума // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 214-217.
5. Неклюдов С. Ю. Героический эпос монгольских народов (устные и литературные традиции). М.: Наука, ГРВЛ, 1984. 316 с.

6. **Нимаев Д. Д.** Дауры и баргуты: проблемы этнической истории // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 122-127 [Электронный ресурс]. URL: <http://archaeology.nsc.ru/ru/publish/journal/doc/2010/422/15.pdf> (дата обращения: 28.09.2015).
7. **Одонгуа, Нансалмаа.** Хуучин баргын үлгэр тууль. Тунляо, 2011. 411 с. -
8. **Пунцагванджил.** Хулун-Буйрын барга буриадын тууль. Улаанхад, 2009. 426 с.
9. **Хабунова Е. Э., Дампилова Л. С., Николаева Н. Н., Убушиева Б. Э.** Этнопоэтические константы в героическом эпосе монгольских народов: опыт систематизации материала // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (2). С. 102-105.
10. **Халх ардын тууль.** Улан-Батор: Госиздат, 1991. 173 с.

THE BARGA MONGOLS' HEROIC EPOS

Nikolaeva Natal'ya Nikitichna, Ph. D. in Philology

Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
natanika80@mail.ru

Enkhbadrakh Sanzhdorzh

Institute of Language and Literature of the Mongolian Academy of Sciences
enkhbadrakh@yahoo.com

The article is devoted to investigating the heroic epos of the Barga – one of the Mongolian-speaking Chinese ethnoses. The paper examines the plot structure, specifics of composition, personage system and poetics. The authors conclude that the Barga epos refers to the early, pre-feudal eposes and in many ways preserves the ancient Mongols' views. The subjects and motives, belonging to the all-Mongolian fund, are distinguished by local specific features among which the authors mention an archaic image of a main character and mythological tonality of epic actions on the whole.

Key words and phrases: heroic epos; mythology; Mongolian-speaking people; plot; motive; personage.

УДК 811.111-26

Филологические науки

В статье отражена интеграция произведений живописи, поэзии и прозы как естественное развитие общекультурных процессов конца XIX – начала XX века. Интерпретация рассказа Д. Паркер «Аранжировка в черном и белом» проведена в корреспонденции со стихотворением О. Уайльда «Симфония в желтом» и полотнами Д. Уистлера «Гармония в сером и черном. Портрет матери» и «Гармония в сером и зеленом. Мисс Сесили Александер», что позволило декодировать имплицитный смысл рассказа через концептуальную схему импрессионизма и получить более точную содержательную информацию.

Ключевые слова и фразы: интерпретация текста; общекультурные процессы; картина мира автора/читателя; музыкальность произведения; ритм и мелодия текста; социальная иерархия; художественный образ; ирония; сарказм.

Павленко Лариса Геннадиевна, к. филол. н., доцент

Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал)

Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

gerack_ufo@gerack.ru

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА В ОБЩЕЙ ПАРАДИГМЕ КУЛЬТУРЫ[©]

*Есть нечто общее между кубизмом
Пикассо, расщеплением атомного ядра
и парцелляцией предложения.*

Е. А. Покровская

Не вызывает сомнения связь лингвистики и социологии. В основе методики преподавания иностранных языков лежит культурологический багаж. Вместе с тем языкознание стоит на пороге изучения динамики языка в контексте общекультурных процессов эпохи, поскольку в языке действуют те же парадигмы, что и в искусстве [9, с. 9]; «революция в науке совершает переворот и в Искусстве» [1, с. 25]. Другими словами, на развитие языка оказывает влияние его внутренняя и внешняя история. В данном случае рассматривается такой аспект внешней истории, как изменения в мировой культуре, а именно появившаяся и распространившаяся с живописи на литературу исходная концептуальная схема импрессионизма.

Анализ текста не может быть полным без учета биографии его автора; для серьезного понимания словесных текстов необходимо рассматривать их как отражение всей культуры времени их творцов. Безусловно, любое произведение искусства интерпретируется субъективно и представляет собой задачу на личностный смысл.